

УДК 930.1

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-Х ГГ. (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)

©2008 Г.М.Ипполитов

Поволжский филиал Института российской истории РАН

В статье анализируются некоторые аспекты историографии российской Гражданской войны в период смены цивилизационной парадигмы в нашем Отечестве (вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг.).

Подлинная научная историография занимается не пассивным собирательством и склеиванием источников, а постановкой проблем, которые наполняют картину новым смыслом, содержанием. Р.Дж.Коллинвуд

История распорядилась так, что во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х годов в нашем Отечестве произошла смена цивилизационной парадигмы¹. Отечественная исто-

¹Следует подчеркнуть, что точку отсчета в процессе смены цивилизационной парадигмы в нашей стране найти сегодня затруднительно (точно так же, как и хронологические рамки данного процесса). Налицо разночтения. Одни исследователи считают, что смена цивилизационной парадигмы началась в стране с начала 1990-х гг. (см., напр.: *Кужилин С.Ф.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию допризывной и призывной молодежи во второй половине 1950-х – 2000 гг.: историограф. проблемы. Моногр. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. – С.8; *Фоменцов В.В.* Деятельность органов советской власти по укреплению воинской дисциплины в Красной армии (1918 – 1920 гг.): дис. канд. ист. наук. – Вольск: 2006. – С.183); другие — заключают процесс, указанный выше, в такие хронологические рамки: вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х годов (см., напр.: *Ефремов В.Я.* Деятельность властных структур по укреплению морального духа вооруженных сил Советского государства (1918 – 1991 гг.): историограф. исслед. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2007. – С.54 – 55). Автор статьи солидаризируется в данной связи с последним мнением. Ясно, что в первом мнении просматривается стремление историков привязать точку отсчета в процессе смены цивилизационной парадигмы к знаковому событию в истории государства Российского — распад СССР и формирование новой российской государственности. Думается, что для этого есть весомые основания. Однако, по суждению автора данной статьи, жесткая привязка к распаду СССР все-таки не совсем уместна. Глубинные системные изменения в экономической, политической, социальной, духовной сферах функционирования советского социума начались примерно со второй половины 1980-х годов. Данный процесс получил название "перестройка" — реформы М.С.Горбачева, носившие паллиативный характер. В период со второй половины 1980-х – первой

рическая наука в то время была насыщена неоднозначными, требующими сегодня серьезно осмысления, процессами. Одна из сфер, где данные процессы происходили интенсивно и до предела противоречиво (в хронологических рамках, означенных выше), являлась историография российской Гражданской войны (1917 (18) – 1920 (22) гг.)². Автор предпринял попытку проанализировать некоторые ее аспекты исходя из следующей посылки: выглядит аксиоматичным, что историка как наука об историографии, ее методах и задачах, настоятельно требует солидной временной дистанции для научных изысканий. Сказанное не означает, между тем, что в ближайшем приближении не появляются артефакты с собственно историографическим осмыслением текущих исторических явлений и событий.

Не является исключением, судя по работам, указанным в подстрочном примечании³, и

половины 1990-х годов можно наглядно наблюдать действие закона диалектики — переход количественных изменений в качественные. — *Г.И.*

²Две даты даются потому, что вопрос о периодизации Гражданской войны в России — один из наиболее дискуссионных в современной отечественной исторической науке сегодня (см., напр.: *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – №6. 1992. *Он же.* Гражданская война: взгляд сквозь годы. – Уфа: 1994; *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 80-х – 90-е годы). – Архангельск: 2000; *Ипполитов Г.М.* Гражданская война в России (1917 – 1922 гг.): в поисках оценочных суждений // Надежде Отечества. Сборник статей, посвященных 10-летию Кинель-Черкасской средней школы № 1. – Самара – Кинель-Черкассы: 2004; *Он же.* "Белое дело": Учеб. пособ. к спецкурсу "Белое движение в Гражданской войне в России (1917 – 1922 гг.). – Самара: и др.)

³См., напр.: *Ненароков А.П.* Об авторе и его труде / [Предисл.] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция / Комментарии А.И.Ушакова. Т.1. Изд. 2-е уточн. – М.: 1990; *Поля-*

наша проблематика. В 1996 г. довольно детальный историографический анализ дали в обобщающей статье "Гражданская война. Новое прочтение старых проблем" историки А.И.Ушаков и В.П.Федюк. В ней главное внимание было уделено исследованиям о Белом движении. Авторы отмечали, что возрастающий интерес к изучению собственно Белого движения вызван происходящей сменой умозрительных конструкций анализа реально существовавших вариантов, заложенных в самом многообразии противостоявших друг другу в Гражданской войне сил. Естественно при этом, что не надо пугать научную задачу с политической модой, увлекшей многих историков и издателей⁴. В том же году Ю.А.Поляков, крупный специалист по проблемам российской Гражданской войны, издал полемические заметки с симптоматичным по отношению к году выхода книги в свет названием — "Наше непредсказуемое прошлое". Маститый ученый подверг убедительной критике тех исследователей, которые допускали нигилистическое отношение к историографическим наработкам предшественников, увидевших свет в советский период (такой нигилизм проявлялся очень сильно именно в проблематике истории революции и Гражданской войны)⁵. Характерно, что в процессе историографического осмысления темы Гражданской войны наблюдалось наращивание усилий и темпов⁶. Более того, про-

блема исследуется в формате докторских диссертаций⁷. Внес здесь свой скромный вклад и автор данной статьи. Разумеется, исходя из соображений элементарной научной этики, воздержимся от каких-либо комментариев в данной связи⁸.

Анализ историографических источников по рассматриваемой проблеме позволяет выделить в истории ее изучения два условных историографических этапа: 1) советская историография периода перестройки (примерно вторая половина 1980-х — 1991 гг.); 2) постсоветская историография (примерно 1992 — 1995 гг.). Разумеется, между данными этапами существует диалектическое единство. Тем более, неправильно полагать, что со сменой политического режима в стране историческая наука одновременно наполнилась качественно новым содержанием. Разрыв с прошлым не стал историографическим фактом с начала 1992 г.: новые подходы вызревали в недрах исторической науки СССР, особенно бурно в период пере-

ков Ю. А. Предисловие // Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917. Репринт. воспроизв. М., 1991; *Мухачев Б.И., Наумов И.В.* Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке в освещении советских историков (середина 50-х — начало 90-х гг.). // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. — Владивосток, 1994; *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей. // Вестник Челябинского университета. -1994.-№1(7); *Половецкий С.Д.* Армия и советское общество в 1918 — 1991 гг.: историогр. исслед. — М.: 1995 и др.

⁴См.: *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем. // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. — М.: 1996. — С. 206 — 221.

⁵См.: *Поляков Ю.А.* Наше непредсказуемое прошлое: полем. Заметки. — М.: 1996.

⁶См., напр.: *Полторак С.Н.* Основные тенденции изучения истории гражданской войны в России // Граждан. войны. Полит. кризисы. Внутренние конфликты: история и современность: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 17—18 дек. 1998 г., г. Омск. — Омск: 1998. — С. 20 — 24; *Он же.* Первый фундаментальный труд о А.И.Деникине (рец.

на монограф. Г.М.Ипполитова "Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890 — 1947 гг." — Вольск: Изд-во ВВВУТ, 1997.) // Клио. — №2(5). 1998. — С.303 — 305; *Он же.* О некоторых тенденциях изучения гражданской войны в России и деятельности РККА в так называемый межвоенный период // Клио. — № 2. 1999. — С. 335 — 339; *Михайлов И.В.* Белое дело: зигзаги, тупики и перспективы историографического осмысления // Академик П.В.Волобуев. Неопубликованные работы. Восп. Ст. — М.: 2000; *Он же.* Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. — М.: 2002.

⁷См., напр.: *Верещагин А.С.* Отечественная историография Гражданской войны на Урале, 1917 — 1921 гг. Дис. ... докт. ист. наук. — М.: 2001; *Тормозов В.Т.* Белое движение в гражданской войне. Историогр. Проблемы. Дис. ... докт. ист. наук. — М.: 1998; *Ушаков А.И.* Антибольшевистское движение в годы Гражданской войны в России. Отечественная историогр.: Дис. ... докт. ист. наук. — М.: 2004.

⁸См.: *Ипполитов Г.М.* Белое движение в гражданской войне: постсоветская историогр. проблемы (некоторые аспекты) // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века: материалы XXI Всерос. заоч. науч. конф. — С.-Пб.: 2001. — С. 258 — 264; *Он же.* Они были первыми. (Размышления о книге десять лет спустя после ее выхода в свет в жанре научной рецензии) // Телескоп: Науч. альманах. Вып.3. — Самара: 2003; *Он же.* Деникинiana постсоветская: критические историографические заметки Телескоп. Науч. альманах. Вып.10. — Самара: 2005; *Он же.* Некоторые актуальные проблемы изучения военной истории в постсоветский период // Телескоп: науч. альм. Спец. вып.: Пробл. изучения воен. истории: материалы Всерос. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отеч. войне (1941 — 1945 гг.). — Самара: 2005. — С. 3 — 20.

стройки. И вообще: вопрос о переходе от одного историографического периода к другому в отечественной исторической науке всегда проходил и проходит по разряду дискуссионных. Однако тезис о том, что переход от одного историографического периода или этапа к другому занимает достаточно длительные промежутки времени, постепенно находит все больше сторонников в корпусе современных историков⁹. Представляется также важным констатировать, что в связи с конкретно-исторической обстановкой данные условные историографические этапы характеризовались различными чертами и особенностями тематической направленности исследований, конъюнктурными деформациями, соответствующей источниковой базой, которой могли располагать ученые в то или иное время.

Первый условный историографический этап — советская историография периода перестройки (примерно вторая половина 1980-х — 1991 гг.). Конкретно-историческая обстановка перестройки — пятилетия несбывшихся надежд — наложила свой отпечаток на советскую историческую науку. Советская историография стала развиваться под воздействием ряда специфических обстоятельств¹⁰. Здесь имелся ряд факторов, противоречиво влиявших на развитие советской исторической науки именно в сфере изучения истории революции и Гражданской войны: получение учеными в условиях гласности доступа к уникальным рассекреченным архивным документам, определенное приращение источниковой базы за счет публикации некоторых мемуаров видных деятелей и рядовых участников Белого движения; появление возможности свободных дискуссий; отсутствие достаточного количества археографических публикаций, а также работ, в которых бы проводилось источниковедческое осмысление материалов, имеющих отношение к рассматриваемой теме¹¹.

Особенно необходимо подчеркнуть то, что историографическое осмысление анализируемой проблемы отличалось противоречиво-

стью: боролись старые и зачинающиеся новые подходы. Причем, публикаций имелось недостаточно. Естественно, что работы историографического характера издавались, причем был сделан акцент либо на общих проблемах истории изучения Гражданской войны¹², либо на региональный аспект (преимущественно восточный регион страны¹³). Видным событием в данной связи стал выход в свет монографии Л.М.Сирин и А.Л.Литвина "На защите революции: В.И.Ленин, РКП (б) в годы гражданской войны: историографический очерк". В ней подводятся итоги нескольким десятилетиям изучения проблемы (небезынтересен, например, такой подсчет ученых: за годы советской власти по теме истории Гражданской войны вышло около 15 тысяч книг, брошюр, статей)¹⁴.

Примечательное событие — статья Ю.А.Полякова "Гражданская война в России. (Поиски нового видения)", опубликованная в самом начале 1990 года журналом "История СССР". Автор открыто сказал о том, что в советской историографии практически нет исследований по истории антисоветского лагеря. Правда, в 1970 — 1980-е годы появились монографии о мелкобуржуазных партиях, о кадетях и монархистах. Но это лишь в незначительной степени закрыло имеющиеся пустоты¹⁵. "Нет сомнений, что необходимы крупные работы по истории социальных и политических сил контрреволюции, анализирующие структуру и политику белогвардейских режимов, их вой-

¹²См., напр.: *Наумов В.П.* Итоги изучения и нерешенные проблемы истории гражданской войны // Защита завоеваний социалистических революций. — М.: 1986; *Кривошеенкова Е.Ф.* Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные аспекты. — М.: 1989; *Мицц И.И.* Сталин в гражданской войне: мифы и факты // *Вопр. истории КПСС.* — М.: — № 11. 1989. — С. 35 — 49.

¹³См., напр. *Историография гражданской войны на Урале.* — Челябинск: 1985; *Шишкин В.И.* Современная советская историография иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы. // *Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.* 1917 — 1922. — Новосибирск: 1985; *Наумов И.В.* Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950 — середины 1980-х годов. — Иркутск: 1991; *Литвин А.Л.* Советская историография Гражданской войны в Поволжье. — Казань: 1988 и др.

¹⁴См.: *Сирин Л.М., Литвин А.Л.* На защите революции: В.И.Ленин, РКП (б) в годы гражданской войны: историографический очерк. — Л.: 1985. — С. 53.

¹⁵*Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (Поиски нового видения) // *История СССР.* — № 2. 1990. — С. 98 — 117.

⁹См., напр.: *Ефремов В.Я.* Указ. соч. и др.

¹⁰Более подробно см., напр.: *Феномен советской историографии.* — М.: 1996.

¹¹Более подробно см.: *Петрушева Л.И.* Возвращение на Родину: архивы русской эмиграции // *Мир библиографии.* 1998. — С.84 — 86; *Павлова Т.В.* Русский заграничный исторический архив // *Вопр. истории.* . — №1. 1990. — С. 26 — 28 и др.

сковые формирования, а "сохранявшаяся в нашей литературе терминология гражданской войны, называвшая белогвардейские войска "ордами" и "бандами", а их генералов и офицеров — "палачами" и "карателями", нуждается в замене терминологией спокойной и объективной"¹⁶. Однако резкое неприятие данной трактовки Гражданской войны выразил Б.С.Клейн в статье "Россия между реформой и диктатурой"¹⁷.

В том же 1990 году в Архангельске с участием ученых Ленинграда и Москвы состоялся небезынтересный "круглый стол" историков Гражданской войны, поставивший аналогичные размышлениям Ю.А.Полякова вопросы. Заметно выделялось выступление В.Г.Бортневского: "До сих пор в нашей литературе практически не ставился вопрос об общем и особенном в политической системе царизма, керенщины и белогвардейщины, роли вождей белого движения в организации и осуществлении власти и управления... Меж тем как несомненный интерес представляет исследование системы управления, особенностей работы высших, центральных и местных органов на оккупированной белыми территории, попытки координации политики различными белогвардейскими правительствами, анализ роли армии и карательно-репрессивных органов, условий деятельности политических партий, городских и земских учреждений, профсоюзов, церкви"¹⁸. По мнению ленинградского историка, без исследования этих проблем, в свою очередь, невозможно объективно проанализировать сущность и особенности пролетарской диктатуры периода Гражданской войны, результаты воздействия контрреволюции и советской власти на складывание и утверждение чрезвычайных, военно-коммунистических форм и методов государственной деятельности, на формирование военно-коммунистической идеологии.

Характерно, что историографическое осмысление рассматриваемой проблемы приобрело новые черты в отдельных докторских диссертациях. Так, В.Н.Дариенко подчеркивал: "При освещении белого движения почти все внимание сосредотачивалось на направленных

против него действиях. Оставлялись в стороне экономические, социальные и политические проблемы, порой в решающей мере предопределяющие ход, продолжительность и иные перипетии вооруженного противоборства... Только одинаково обстоятельное изучение обеих лагерей, с привлечением всех источников, дает возможность реконструировать объективную картину их противоборства в тяжелой и затяжной гражданской войне, объяснить истоки и масштабы вооруженного ожесточения, выявить степень политической и моральной ответственности руководителей за жертвы братоубийственной войны"¹⁹. И, наконец, как небезынтересный историографический факт, следует отметить выпуск в 1989 г. силами Института научной информации по общественным наукам АН СССР реферативного сборника "Иностранная интервенция против Страны Советов: Зарубежная историография". Он давал возможность советским историкам, хотя и не через первоисточник, но все же приобщиться к достижениям зарубежной историографии по рассматриваемой теме²⁰. Особенно крупное событие — публикация в 1986 году второй книги двухтомного издания "Гражданская война в СССР" — "Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции, март 1919 – октябрь 1922 гг.". Эта официальная и масштабная работа носила установочный и ориентирующий характер как по методологии изучения проблемы, так и по оценкам основных явлений периода Гражданской войны. К установкам для всех историков можно отнести следующие отдельные положения анализируемого труда:

1. Именно международный империализм являлся главным виновником развязывания Гражданской войны: "Империализм для борьбы против Советской Республики организовал многотысячные белогвардейские армии, ядро которых, особенно армии Колчака и Деникина, составляло реакционное офицерство России. Они были, по существу, армиями империалистов Антанты, существовали и действовали

¹⁶ Там же. С.101.

¹⁷ См.: Клейн Б.С. Россия между реформой и диктатурой // *Вопр. истории.* – № 9 – 10. 1991.. – С. 3 – 13.

¹⁸ См.: Сквозь бури гражданской войны. "Круглый стол" историков. – Архангельск: 1990. – С. 30 – 31.

¹⁹ Дариенко В.Н. Революция и контрреволюция на юго-востоке страны 1917 – 1920.: Автореф. дис. докт. ист. наук. – М.: 1991. – С.24 – 25.

²⁰ См.: Иностранная интервенция против страны Советов: Зарубежная историография. Реферат. Сб. – М.: 1989.

только благодаря огромной помощи империалистических государств"²¹.

2. Синтезировалась такая схема становления и утверждения политических режимов Белого движения: переход власти на несоветских территориях от мелкобуржуазных демократов к буржуазно-помещичьей контрреволюции, установившей военную диктатуру, а следующий шаг – реставрация монархии"²².

3. Раскрывалась идеологическая сущность Белого движения на Юге России: "Стремление деникинцев к восстановлению "единой, неделимой России" не находило поддержки буржуазно-националистических элементов Украины и Кавказа, мечтавших о создании собственных государств. Учитывая это, администрация Деникина первое время всячески пыталась прикрыть свои монархические цели туманными обещаниями о созыве Национального собрания, местном самоуправлении, земельных реформах, гражданских свободах и рабочем законодательстве. Это, однако, не мешало ей восстанавливать царские порядки и законы, возвращать земли помещикам, подавлять рабочие организации и национально-освободительное движение"²³.

4. Предписывалось в освещении проблемы краха (именно краха, а не поражения) Белого движения делать ударение на разочаровании крестьянства политикой белых, на их безуспешные попытки направить рабочее движение в русло соглашательства (выступления рабочих подавлялись вооруженной силой), на террор, грабежи, произвол противников советской власти, их полную зависимость от Антанты.

Казалось, что такие методологические рекомендации, изложенные, кстати, в директивном стиле, просуществуют еще не одно десятилетие, и в их русле по известному механизму "оснащения фактами готовых концепций" выйдет немало новых работ по Гражданской войне. Даже начавшаяся перестройка мало поколебала эту уверенность. В отличие от публицистов историки-профессионалы никак не могли понять и воспринять саму возможность быстрого изменения взглядов без серьезного

изучения источников и документов. Словом, историографическая ситуация в сфере изучения истории Гражданской войны усложнялась, появлялись противоречия. Например, во вступительной статье-предисловии к новой монографии В.Д.Поликарпова академик И.И.Минц, придерживаясь предупредительных позиций, подчеркнул следующее обстоятельство: "Приходится, между прочим, отметить, что в последнее время, когда общественность, не удовлетворенная освещением нашей истории в учебниках и в сочинениях историков, начала производить в ней самостоятельные поиски и осмысливать историческое прошлое, появилось немало таких трактовок событий и целых этапов, которые расходятся с исторической действительностью. Это касается, в частности, гражданской войны первых послеоктябрьских лет. Некоторые авторы отождествляют ее с гражданской войной против народа, развязанной в 30-е годы Сталиным, и, лишая ее классового содержания, готовы считать ее не войной трудящихся с белогвардейцами, интервентами и т.д., а "братоубийственной"²⁴. Подобным образом крупный советский ученый дал своего рода ответ перестроечным публицистам, считавшим, что "братоубийственная война" была не войной "трудящихся с белогвардейцами, интервентами, бандами, националистами и т.д.", не противоборством белых и красных, поскольку "еще существовала третья сила, по которой и пришелся главный удар, – крестьянское, повстанческое движение", блокировавшееся "то с белыми, то с красными, оставаясь относительно самостоятельной силой"²⁵.

Другие авторы пытались объединять белых и красных на основе патриотизма как "категории внеклассовой, внепартийной, относящейся скорее к общечеловеческим ценностям, и патриотами могут быть одновременно и коммунист, и монархист". То есть и для белых генералов была характерна "внутренняя готовность быть всегда со своим народом, особенно когда ему угрожает либо геноцид, либо потеря национальной независимости". Автор подобной позиции В.Большаков предложил мерить таким критериями даже генералов П.Н.Крас-

²¹ Гражданская война в СССР. В 2-х т. - Т. 2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции, март 1919 – октябрь 1922 гг. – М.: 1986. – С. 407.

²² См.: Там же. С.7.

²³ Там же. – С.8.

²⁴ Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905 – 1917. – М.: 1990. – С. 10.

²⁵ См.: Васильев Б. Люби Россию в непогоду...// Известия. 1989. – 17 января; Селюнин В. Истоки // Если по совести. – М.: 1988. – С. 258.

нова и А.Г.Шкуро, поскольку они "стали предателями Родины не в момент начала гражданской войны, не тогда, когда бежали за границу под натиском Красной Армии, а когда выступили против этой армии вместе с гитлеровским вермахтом"²⁶. Подобные рассуждения и подходы к осмыслению Гражданской войны воспринимались как деформация исторической памяти, вызванная недоступностью источников и тем, что писать о политике и делах контрреволюции было признано предосудительным.

Стало уделяться внимание проблеме хронологических рамок Белого движения и его идеологических программ. По существу, здесь не возникло каких-либо разногласий, в том числе и с эмигрантскими авторами. Концентрированно и емко о начальном и конечном рубежах движения высказался В.А.Дуров в развернутых и обстоятельных примечаниях к публикации "Белое движение: начало и конец". Рождение Белого движения связывается со 2 ноября 1917 года, когда генерал М.А.Алексеев прибыл в Новочеркасск и тотчас же приступил к формированию вооруженных сил, которые с 25 декабря того же года получили название "Добровольческая армия". 8 января 1919 года во время совещания на станции Торговая между А.И.Деникиным и П.Н.Красновым было достигнуто соглашение о создании "Вооруженных Сил Юга России", в состав которых первоначально вошли Добровольческая армия и Донская армия. Позднее ВСЮР²⁷ включили в себя и другие крупные белогвардейские вооруженные объединения. Главнокомандующим ВСЮР со дня образования и до 4 апреля 1920 года являлся А.И.Деникин. Его сменил на этом посту П.Н.Врангель. Когда в начале ноября 1920 года врангелевская армия эвакуировалась из Крыма, организованная борьба белых в прежних рамках была завершена²⁸.

Между тем, что касается идеи Белого движения и его основных идеологических основ, то здесь отсчет времени начинается раньше даты организационного оформления. Интересной и плодотворной, несмотря на большое

число фактографических ошибок, является попытка Г.З.Иоффе в книге "Белое дело". Генерал Корнилов" проследить истоки идеологии Белого дела в заявлениях генерала Л.Г.Корнилова, опубликованных еще до прихода к власти партии большевиков 28 августа 1917 года, накануне корниловского мятежа. В них в сжатой форме были изложены такие ключевые идейные элементы, как великодержавный шовинизм ("спасать Россию" приглашались только православные, верующие "в бога, в храмы"), милитаризм (война до победы над "германским племенем"), воинственный антибольшевизм (большевики объявлялись главной опасностью, так как под их влиянием оказались не только Советы, но и Временное правительство), бонапартизм, демагогия (указание на народное, крестьянское происхождение "вождя", заявление о том, что народ сам будет решать свою судьбу), сокрытие, отрицание контрреволюционных замыслов (так называемое непредрешенчество, заверение, что цель "вождя" – довести страну до Учредительного собрания)²⁹. К сожалению, Г.З.Иоффе намеренно опережает конкретно-исторические события, в том числе связанные с корректировкой программы, и сразу отказывает идеологической платформе Белого движения в праве на успех. Тем самым теряется сам смысл сравнения и восприятия идей красных и белых, а анализ дальнейшей эволюции идеологии неизбежно становится заданным и подчиненным партийной позиции автора.

Несколько вышла за принятые идеологические стереотипы и монография В.Д.Поликарпова "Военная контрреволюция в России". Конечно, историк не смог полностью отказаться от обобщений и оценочных суждений в духе методологии догматизированного марксизма-ленинизма в большевистском его измерении. Но фактический материал, изложенный в монографии, может привести современного исследователя к неординарным обобщениям. Но это только зачаточные тенденции. Так, В.Д.Поликарпов посвятил в анализируемой монографии особый параграф "Программе белогвардейщины", где речь идет не только о воззвании Добровольческой армии, впервые опубликованном 9 января 1918 года (основные ее пункты — приверженность идее Учредительного собрания, продолжение войны против немцев и

²⁶ *Большаков В.* Эмиграция: вопросы к самим себе // Правда. 1989. – 9 янв.

²⁷ ВСЮР — Вооруженные Силы Юга России (в отдельных документах 1919 – 1920 г. употреблялось также название "Вооруженные Силы на юге России") — *Г.И.*

²⁸ См.: Белое движение: начало и конец. – М.: 1990. – С. 476.

²⁹ *Иоффе Г.З.* "Белое дело". Генерал Корнилов. – М.: 1989. – С. 124.

большевиков, независимость Донской области), но и довольно подробно прослеживается эволюция идеологии лидеров белых, прежде всего в сторону идеи реставрации монархии, что значительно сузило базу движения³⁰. В качестве доказательства используются материалы частной переписки приверженцев монархии, последние мемуары генералов, наконец выдержки из доклада П.Н.Милюкова "Правому центру" в июле 1918 года. В нем, в частности, прозвучало следующее: "Возвращение монархии невозможно, потому что идея монарха неразрывно сочеталась в представлении народа с враждебным ему социальным слоем, дворянским, и со старой бюрократией, для которой законом была ее собственная воля. Царь нежелателен — не потому даже, что он — царь, а потому, что он не может вернуться один. Он непременно придет с помещиком и со старым чиновником. А крестьянство твердо помнит свое прошлое, которое оно знает не из учебников истории, а из собственных воспоминаний, из рассказов отцов и дедов, из народной легенды"³¹.

Г.А.Бордюгов и В.А.Козлов, размышляя об исходных позициях "красной" и "белой" диктатур, увидели причины их возникновения и оформления к концу 1918 года в глубочайшем кризисе советской и учредилковской форм демократии: "Сторонники учредилковской демократии были дискредитированы невольным сотрудничеством с белыми генералами, находившимися в состоянии разброда и шатаний. Большевистская партия с ее ориентацией на Советы прошла через варварские формы "чрезвычайщины" и встала на путь утверждения однопартийной диктатуры"³². Данные диктатуры, в свою очередь, должны были решить одну и ту же задачу — вернуть доверие разочаровавшегося во всех и во всем населения. Ученые прослеживают, как почти одновременно большевики (в августе 1918 года) и адмирал А.В.Колчак (в ноябре того же года) выдвигают лозунг и обещание обеспечить на контролируемой территории "твердый порядок и законность". Они сравнили похожую логику раз-

мышлений в статье Н.И.Бухарина "Порядок" в газете "Правда" и заявлении А.В.Колчака для газеты "Приамурье", пытавшихся опереться на господствующие чувства и ожидания, по крайней мере, средних слоев — готовность поддержать любую силу, лишь бы она гарантировала им, что на улицах не будет стрельбы³³.

Анализ историографических источников пятилетия перестройки показывает, что дискуссия о необходимости нового подхода к социальной опоре Белого движения и мотивах участия едва была обозначена в монографии А.Г.Кавтарадзе "Военные специалисты на службе Республике Советов". Ученый, освещая проблему привлечения советской властью царских офицеров для строительства Красной армии, проанализировав большое количество архивных и опубликованных документов, исследовательской и мемуарной литературы, пришел к выводу, не вписывающемуся в установки официальной исторической науки в СССР: социальный состав формировавшейся Добровольческой армии — явно не только представители помещиков и капиталистов, а офицеры-добровольцы не являлись сплошь и рядом выходцами из богатых семей³⁴. Следовательно, изначально социальная база формирования офицерского состава белой армии была другой, нежели ее представляли ранее в советской историографии. Историк поднял проблему, которая потребовала от него научной смелости: необходимо отказаться от прямолинейных суждений, присущих советской историографии.

Характерно, что почти одновременно П.Г.Горелов и Ю.А.Поляков, опираясь на данные монографии А.Г.Кавтарадзе, подвергли сомнению все прежние, казалось бы, неоспоримые, установки о социальной опоре противников большевиков. "В советской историографии, — отмечал П.Г.Горелов, — как-то исподволь, но теперь уже довольно твердо распространилось мнение, будто офицерство Добровольческой армии — по своему происхождению и имущественному положению — исключительно помещики и капиталисты. Бездумно и необоснованно пишут, что Добровольческая армия была "буржуазно-помещичьей", а сами добровольцы ее не только "знали, за что дрались", но и, мол, не смогли смириться с тем, что

³⁰ Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905 – 1917. – М.: 1990. – С. 326 – 345.

³¹ Там же. С.343.

³² Бордюгов Г. А., Козлов В. А. От "чрезвычайщины" к "тоталитаризму". Как укреплялась большевистская диктатура //Диалог. – №6. 1990. – С. 92.

³³ Там же. – С.87.

³⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. – М.:1988.

рабочие и крестьяне отняли у их отцов земли, имения, фабрики и заводы"³⁵. Чтобы подтвердить это, далее следует обращение к данным А.Г.Кавтарадзе, который дал показательные сведения из послужных списков 71 генерала и офицеров — крупнейших организаторов и виднейших деятелей Добровольческой армии, участников Первого Кубанского "Ледяного" похода. Оказалось, что 64 человека (90%) из них никакого недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имели вообще. В том числе и самые высокопоставленные генералы генштаба, такие, например, как М.В.Алексеев (сын солдата сверхсрочной службы), Л.Г.Корнилов (сын коллежского секретаря), А. И. Деникин (сын майора) и т.д. Совершенно очевидно, утверждает П.Г.Горелов, что имущественное положение у основной части участников Первого Кубанского похода — офицеров военного времени, юнкеров, воспитанников кадетских корпусов и гимназистов старших классов — было еще более скромным. Что же касается социального происхождения, то из 71 человека потомственных дворян было всего 15 (21%), личных дворян — 27 (39%), а остальные происходили из мещан и крестьян или являлись сыновьями мелких чиновников и солдат³⁶.

Несколько по-другому комментировал данные А.Г.Кавтарадзе Ю.А.Поляков. По его оценке, в списке из 71 человек тех, кто составлял элиту Белого движения, включая М.В.Алексеева, А.И. Деникина, Л.Г.Корнилова, А.П. Кутепова, И.П.Романовского, И.А.Эрдели, поместье имели лишь 5 человек, зато дворяне действительно преобладали — 41 человек. 6 человек, не указавшие дворянского происхождения, являлись детьми офицеров, 8 — чиновников. Из крестьян происходило 6 человек. Имелись выходцы и из мещанского сословия. Сам М.В.Алексеев числился как сын солдата сверхсрочной службы. "Объективно получалось, — резюмирует Ю.А.Поляков, что те, кто не обладал поместьями или фабриками, на деле защищали их владельца, а дети крестьян шли против крестьянских интересов. В этом состояла трагедия многих людей, оказавшихся в белогвардейских рядах"³⁷.

Подобные статистические упражнения и последующие за ними обобщения представляются важными под тем ракурсом, что в изучении истории Белого движения классовый подход к оценке событий и явлений стал серьезно расшатываться. Одно из свидетельств тому — появление, например, в 1991 г. вступительной статьи ярославского ученого В.П.Федюка под названием "Гражданская война: по ту сторону фронта" к сборнику белогвардейских мемуаров "Белые армии, черные генералы". Социальная опора белых освещалась здесь еще более развернуто и определенно: "Состав офицерского корпуса русской армии существенно изменился за годы мировой войны. В него влились выходцы из семей рабочих, крестьян, городских обывателей. "Штабс-капитаны", как называли офицеров военного времени, не имели особых причин ратовать за монархию и потому Февральскую революцию встретили, в целом, доброжелательно. Однако в 1917 году социальный престиж офицерства стал резко падать. В армии рушилась дисциплина, появились случаи физической расправы над офицерами. Поэтому большая часть офицеров, выступивших после Октября с оружием в руках против советской власти, боролась не за свои имения и фабрики (которых у них попросту не было), а против анархии и развала, с которыми они ассоциировали революцию. Но и таких в ту пору было немного. Основная масса офицерства еще не ощутила Гражданской войны и предпочитала держать нейтралитет. В Добровольческую армию, в основном, шли юнкера, студенты, младшие офицеры, то есть молодежь, действовавшая, в значительной степени, под влиянием ложной романтики и книжных представлений об офицерской чести. Впрочем, скоро и генералов на Дону оказалось более чем достаточно, особенно после того, как в Новочеркасск прибыл Корнилов и другие "быховцы"³⁸.

Здесь представляются принципиальными замечания Ю.А.Полякова. В вопросе о мотивах борьбы белогвардейцев против революции он предложил учитывать такие побудительные факторы, как убеждение в том, что большевики хотят разрушить Россию, ее государственность, ее культуру; ненависть к солдатам, срывавшим с их плеч золотые погоны; обиду за лишение доставшегося дорогой ценой генеральского или

³⁵ Горелов П.Г. Они вернулись и не уйдут. Предисловие //Белое движение: начало и конец... — С. 8.

³⁶ Там же. — С.9.

³⁷ Поляков Ю.А. Гражданская война в России (поиски нового видения)... — С. 109.

³⁸ Федюк В.П. По ту сторону фронта. Вступительная статья. //Белые армии, черные генералы. — С. 7.

полковничьего звания; потерю больших или малых состояний; крах привычного уклада; крушение личных перспектив. Автор предложенной классификации мотивов склонен был считать, что "было общее неприятие революции, были личные мотивы, а логика борьбы вела их все дальше и дальше"³⁹.

Еще более осложнила историографическую ситуацию впервые опубликованная в СССР в 1990 году книга С.П.Мельгунова "Красный террор в России". Она обострила дискуссии о красном и белом терроре. Задающими генераторами выступили здесь публицисты, в частности А.Василевский, Д.Фельдман, Ю.Феофанов. Они подвергли резкой критике традицию оправдания красного террора и романтизации революционного насилия⁴⁰. Распространенным становится спорный тезис С.П.Мельгунова о том, что белые более, чем красные, пытались придерживаться правовых норм при проведении карательных акций⁴¹. Развивая эту мельгуновскую идею, Ю.Фельдман совершенно бесосновательно утверждал: "Мне хочется отвести здесь знакомое указание на жестокость обеих сторон. Белой армии как раз и была присуща жестокость, свойственная войне вообще. Но на освобожденных от большевиков территориях никогда белыми не создавались организации, аналогичные советским ЧК, ревтрибуналам и реввоенсоветам. И никогда руководители Белого движения не призывали к расстрелам, к гражданской войне, к террору, к взятию заложников. Белые не видели в этой идеологии четкой необходимости, поскольку воевали не с народом, а с большевиками"⁴².

Усилиями ряда историков (Ю.А.Поляков, Л.М.Спирин, А.Л.Литвин⁴³) данную дискуссию в какой-то мере удалось переводить в другую плоскость, связанную с обоюдной виной

воюющих сторон, обоюдной их втянутостью в насилие и террор на контролируемой территории. Правда, при этом историки старшего поколения продолжали исходить из того, что Гражданскую войну в России все-таки начали белогвардейцы и интервенты, а большевики допустили лишь "серьезные просчеты". В частности, П.В.Волобуев утверждал, что большевики, взяв власть, упредили жесточайший белогвардейский террор⁴⁴, а Ю.И.Кораблев определял белый террор как "террор буржуазии, монархистов и их прислужников против рабочих и крестьян, против большинства народа"⁴⁵.

Одной из дискуссионных проблем стала в период перестройки тема выявления причин поражения Белого движения. Не случайно, такое ключевое и заданное слово, как "крах" определило название небольших, но весьма симптоматичных для того времени работ — В.Д.Зиминой "Крах германфильской монархической контрреволюции на юге России в годы гражданской войны и интервенции", В.П.Федюка "Деникинская диктатура и ее крах" и С.В.Карпенко "Крах последнего белого диктатора". В этих работах политическим режимам Белого движения было вообще отказано в праве на существование. Однако если В.Д.Зиминой и В.П.Федюку удалось ввести в свою работу значительный пласт эмигрантской литературы и серьезно описать структуру власти генерал А.И.Деникина, гетмана П.Скоропадского на Украине, Сулькевича в Крыму, атамана П.Н.Краснова на Дону, то С.В.Карпенко, пообещавший строить повествование о генерала П.Н.Врангеле на неизвестных материалах советской военной разведки из ЦГАСА⁴⁶ (правда, научно-справочного аппарата при этом в брошюре нет), по сути дела все свел к агрессивной полемике с западными историками, которые на самом деле, в отличие от московского коллеги, нашли нужные слова для описания именно исторической трагедии и сочувствия (подчеркнем, сочувствия, а не оправдания) белым офицерам⁴⁷.

³⁹ Поляков Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения)... — С. 109.

⁴⁰ См.: Фельдман Д. Преступление и... оправдание // Новый мир. — №8. 1990.; Феофанов Ю. Идеология у власти // Известия. 1990. — 4 октября; Василевский А. Разорение // Новый мир. — №2. 1991.

⁴¹ См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. — М.: 1991.

⁴² Родина. — №10. 1990. — С. 40.

⁴³ См.: Поляков Ю.А. Гражданская война в России (поиски нового видения)... — С. 104; Спирин Л.М. Партия большевиков в гражданской войне // Коммунист. — №14. 1990. — С. 95; Литвин А.Л. ВЧК в советской исторической литературе // Вопр. истории. — №5. 1986. — С. 96–103 и др.

⁴⁴ Там же. — №11. 1989. — С. 17.

⁴⁵ См.: Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. — М.: 1989. — С. 82.

⁴⁶ Ныне РГВА. — Г.И.

⁴⁷ См.: Зиминая В.Д. Крах германфильской монархической контрреволюции на Юге России в годы гражданской войны и интервенции. Учебное пособие. — Калинин: 1989; Федюк В.П. Деникинская диктатура и ее крах. — Яро-

Традиционное перечисление причин поражения белых в какой-то степени нарушило замечание Ю.А.Полякова в его концептуальной статье по проблеме. Слабости Белого движения он, в частности, предложил искать не в военной стороне (наоборот, он призвал начать отдавать должное военному искусству белогвардейского командования — достаточно вспомнить рейд конницы Мамонтова в августе – сентябре 1919 года, нанесший огромный ущерб советскому Южному фронту), а искать их в обстоятельствах военно-политических⁴⁸. Небезынтересно и то, что отдельные авторы, анализируя причины поражения Белого движения, делали особый акцент на крахе программ белых политических режимов по национальному вопросу. Так, И.Р.Тагиров отмечал буквально следующее: "Ослепленные ненавистью ко всякой автономии, белогвардейцы оказались не в состоянии использовать в полном объеме желание националистов вести борьбу против Советской власти. Аргументы при этом были следующие: когда К.Маннергейм в начале 1919 года предложил двинуть на Петроград 100-тысячную армию, требуя за это признания автономии Финляндии, самоопределения Карелии и Олонецкой губернии, А.В.Колчак категорически отказал ему; в ноябре того же года А.И.Деникин приказал арестовать и судить как изменников депутатов Кубанской краевой рады за союз с националистами Северного Кавказа, имевший целью создание самостоятельного федеративного государства; он также не захотел разговаривать с Петлюрой, ратовавшим за самостоятельную Украину"⁴⁹. Аргументами подобного рода доказывалось, что для национальной контрреволюции была характерна ее фактическая зависимость от русской буржуазии, от белых политических режимов А.В.Колчака, А.И.Деникина П.Н.Врангеля. В принципе лозунг "единой и неделимой России", словно дамоклов меч, постоянно висел над националистическими правительствами. Односторонность этих представлений станет очевидной после 1991 года, когда развернется обстоятель-

славль: 1990; *Карпенко СВ*. Крах последнего белого диктатора. – М.: 1990.

⁴⁸ *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (поиски нового видения)... – С. 110.

⁴⁹ *Тагиров И.Р.* Из истории борьбы партии большевиков против национальной контрреволюции в годы гражданской войны // Защита завоеваний социалистических революций. – М.: 1986. – С. 72 – 73.

ное обсуждение национального вопроса в политике Белого движения.

Необходимо подчеркнуть, что робко, но просматривается зарождение новых подходов в советской исторической науке периода перестройки в работе, посвященной проблеме иностранной военной интервенции, сотрудничества военно-политических лидеров Белого движения с Антантой. По крайней мере, за это на них уже не навешивают (как ранее) уничижительных ярлыков, вводится в научный оборот большой пласт зарубежных источников и литературы, а также некоторые архивные документы⁵⁰. Особенно выделяется здесь фундаментальное исследование "Антивоветская интервенция и ее крах", выпущенное в свет в 1987 году⁵¹.

Продолжались защищаться и диссертации, в которых находила некоторое отражение и рассматриваемая тема. Так, появились исследования, где в комплексе с основной темой рассматривались и проблемы лагеря контрреволюции⁵². Характерно, что в диссертациях проявляется тенденция повышенного интереса к исследованию видных исторических персоналий Советской России. Авторы использовали в этих целях и некоторые архивные документы. Это особенно подтверждается диссертациями И.З.Бойчева, В.И.Рубцова, В.А.Кузнецова⁵³ и др. В них, в контексте исследования исторических персоналий Советской России, поднимаются и отдельные аспекты (преимущественно военно-политического характера) истории Бе-

⁵⁰См.: Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. – М.: 1988; Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917 – 1920 гг. – М.: 1988; Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917 – 1920). – Таллин: 1988.

⁵¹См.: Антивоветская интервенция и ее крах. – М.: 1987.

⁵²См.: *Зайцев А.А.* Контрреволюция на Кубани и Черноморье в 1917 — 1920 гг.: Дис... канд. ист. наук. Ростов – н/Д.: 1990; *Трубчанинов С. В.* Крах блока империалистической реакции внутренней контрреволюции в период иностранной интервенции Антанты и деникинщины. Ноябрь 1918 — февраль 1920: Дис... канд. ист. наук. – Одесса: 1989. и др.

⁵³См.: *Бойчев И.З.* Военно-политическая деятельность Троцкого в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918 — 1920 гг.): Дис... канд. ист. наук. – М.: 1990; *Рубцов В.И.* Военно-политическая деятельность Григория Яковлевича Сокольников (1917 – 1920 гг.): Дис... канд. ист. наук. – М.: 1991; *Кузнецов В.А.* Военно-политическая деятельность И.В.Сталина в годы интервенции и гражданской войны (1918 — 1920): Дис... канд. ист. наук. – М.: 1990.

лого движения. Правда, они рассматриваются со стороны лагеря красных, а не изнутри лагеря белых.

Таким образом, анализ истории изучения проблемы истории Гражданской войны в России в период перестройки позволил выявить некоторые основные тенденции ее развития:

1. Рельефно просматривается тенденция зарождения новых подходов в советской исторической науке, попыток переосмысления исторических реалий Гражданской войны. Данный процесс постепенно выходит за рамки методологии догматизированного марксизма-ленинизма в большевистском его измерении. Но это происходит на фоне жесткой борьбы старого и нового.

2. Выполнение работ на качественно новой источниковой базе, связанной, в первую очередь, с рассекречиванием огромного пласта архивных документов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме

3. Белое движение становится и объектом, и предметом исторических исследований. Здесь появляются приоритетные аспекты, многие из которых имели дискуссионный характер: истоки и идеологические основы Белого движения, его социальная опора; причины поражения Белого движения; соотношение красного и белого террора; внутренняя политика государственных образований белых.

4. Отражение рассматриваемой проблемы в диссертационных исследованиях.

5. Оживление историографической разработки анализируемой темы. Однако комплексные исследования отсутствуют.

Второй условный историографический этап — советская историография периода перестройки (примерно вторая половина 1980-х — 1991 гг.) — постсоветская историография (примерно 1992 — 1995 гг.). Здесь восторжествовал плюрализм мнений в условиях относительной творческой свободы историков, аналогов которой до того времени не имелось. В то же время, появился обвинительный уклон, разоблачительные интонации при освещении деяний советской власти в годы Гражданской войны. Достоверность используемой при этом фактографии, точность ее передачи, глубокая аналитика присутствовали не всегда. Имело место влияние политической конъюнктуры. Только теперь новой, имеющей диаметрально противоположные отличия от конъюнктуры

советского времени. Кроме того, в исследовании истории Гражданской войны произошла существенная смена приоритетов: объектом и предметом пристального изучения стало Белое движение, а изучение его противников, в первую очередь красных, отошло на второй план.

Но особенно следует в данной связи заострить внимание на том, что в указанных выше хронологических рамках историки находились в некоей растерянности, источником которой стал процесс резкой смены методологических парадигм. Марксизм-ленинизм, в его большевистском измерении, как универсальная методологическая основа исторических исследований в советской исторической науке, стал вытесняться новыми подходами, зародившимися в период перестройки. После распада СССР, в условиях формирования новой российской государственности, на принципиально отличных от советского периода в истории нашего Отечества началах, процесс, упомянутый выше, стал набирать обороты. Однако здесь были допущены серьезные перекосы. Часть исследователей увлеклась новомодными парадигмами, пришедшими из-за рубежа после того, как был уничтожен "железный занавес", и между учеными-гуманитариями и обществоведами России и зарубежья установился творческий контакт. Вместе с тем, при этом они не оценили критически новые теоретико-методологические подходы, а даже попытались возвести их в абсолют. К марксистско-ленинской же методологии научных исследований отдельные историки подошли не по научному, а с позиций политграмоты, что привело к огульному отрицанию одной из парадигм, занимающей видное место в мировых школах методологии науки. Имевшийся, безусловно, положительный потенциал старой методологии был утрачен, а новые подходы внедрялись с трудом, в жесткой борьбе старого и нового.

В подобной сложной обстановке вряд ли можно классифицировать в качестве случайности то обстоятельство, что наибольшее число проблемных, остро полемичных (подчеркнем, полемичных, а не дискуссионных) публикаций по истории Гражданской войны пришлось на 1992 — 1993 годы. Распад Советского Союза и угроза того, что по этому же пути может последовать и собственно Россия, противостояние президента и Верховного Совета в сентябре — октябре 1993 года, закончившееся расстрелом

здания парламента, — все это, помимо желания авторов, чувствуется на втором плане, идет ли речь о крушении Российской империи или судьбе Учредительного собрания. Здесь вырисовывается проблема, вокруг которой идет жесткая полемика — сущность Гражданской войны, ее причины, виновники развязывания, этапы. Первым об этом попытался сказать Ю.А.Поляков, выступая на заседании ученого совета Института российской истории. Он дал импульс дискуссии, когда предложил считать началом Гражданской войны захват власти большевиками. "Взятие власти в столице было, безусловно, актом гражданской войны... Ну а таким ожесточенным схваткам как семидневное сражение в Москве, бои в Ташкенте, Иркутске, под Ростовом, в Коканде, на Южном Урале и т.д. можно ли подобрать другое определение, нежели гражданская война? Если это не гражданская война, то, что такое тогда называть гражданской войной?"⁵⁴. Явно тональность выступления продиктована обстановкой первых месяцев формирования новой российской государственности. Отсюда — эмоционально-публицистический стиль в ущерб академическому. Исторические реалии "предчувствия Гражданской войны" являлись одной из доминант массового сознания, что ощутило на себе и научное сообщество.

Накал страстей, в данной связи, отчетливо прослеживается, например, в отчете о заседании круглого стола, проходившего в марте — апреле 1992 года в Институте российской истории РАН. Текстологический анализ его материалов показывает: несмотря на то, что большинство его участников сошлись во мнении, что поиски виновников развязывания Гражданской войны — дело бесперспективное, однако вопрос "кто виноват?" так или иначе, затрагивался в каждом выступлении. Именно он доминировал при обсуждении хронологических рамок Гражданской войны. Известно, что за последние десятилетия среди советских историков утвердилась точка зрения, согласно которой точка отсчета Гражданской войны — весна 1918 года (обычно в качестве ориентира брались выступление Чехословацкого корпуса или высадка англичан на Мурмане). Такая датировка прочно утвердилась в учебниках и обоб-

щающих трудах. Однако в новой обстановке большинство участников круглого стола высказалось против нее, переводя вопрос из плоскости военной в область социально-политическую. Так, по мнению А.И.Зевелева, начало Гражданской войны следует относить ко времени Февральской революции, когда вооруженным путем был ликвидирован царский режим. Л.М.Спирин предложил считать события, происходившие с лета по октябрь 1917 года, "первой гражданской войной", возложив ответственность за ее развязывание на большевиков. С его точки зрения, захват власти большевиками стал началом "второй гражданской войны", продолжавшейся до 1922 года⁵⁵. Гражданская война продемонстрировала торжество методов насилия при разрешении политических и социальных проблем, и потому в отношении ее начала не только к октябрю, но уже к февралю 1917 года была своя логика. Однако, как обратил внимание Ю. И. Игрицкий, "цепочка предлагаемых дат приобрела импульс тянуться все глубже и глубже в историческую ретроспекцию: осень 1918 г. — лето 1918 г. — весна 1918 г. — разгон Учредительного собрания — мятеж Каледина — октябрь 1917 г. — август 1917 г. — Февральская революция — революционная ситуация начала XX в. и первая российская революция... Наверное, уже рождаются и более ранние варианты"⁵⁶. Действительно, дело может быть доведено до абсурда, если не различать предпосылки Гражданской войны и саму войну, потенциальную, нереализованную возможность и возможность, ставшую реальностью.

Анализ материалов круглого стола показывает, что на этом же заседании выступил В.И.Миллер, позже опубликовавший специальную статью, где развивалась все та же мысль⁵⁷. Он предложил разделять взгляд на Гражданскую войну как на процесс (в этом смысле она началась в феврале 1917 года) и как на конкретный период русской истории (ограничив его традиционными рамками)⁵⁸. Но, как это бывает всегда с компромиссными вариантами,

⁵⁴ Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация. //Отечественная история. — №6. 1992. — С. 37.

⁵⁵ Гражданская война в России: "круглый стол"// Отечественная история. — №3. 1993. — С. 105, 110.

⁵⁶ Там же. — С. 109.

⁵⁷ См.: Миллер В. Гражданская война: исторические параллели // Свободная мысль. — №15. 1993.

⁵⁸ См.: Гражданская война в России: "круглый стол". — С.110.

(понять, почему хронологические границы "процесса" и "периода" не совпадают было достаточно мудрено), предложение В.И.Миллера сколько-нибудь заметного отклика не получило. Развивая эту тему, в 1994 году в брошюре "Гражданская война: взгляд сквозь годы" Ю.А.Поляков предложил один из вариантов схемы периодизации Гражданской войны. "Гражданская война в России, длившаяся с 1917 г. по 1922 г., была сложным, многоэтапным, многофазовым явлением, — пишет Ю.А.Поляков. — Развязывание, течение войны включает следующие фазы: насильственное свержение самодержавия... (февраль — март 1917г.). Усиление социально-политического противостояния в обществе, неудача российской демократии в ее попытке установить гражданский мир, эскалация насилия (март — октябрь 1917 г.). Насильственное свержение Временного правительства, установление советской власти в России, новый раскол общества, распространение вооруженной борьбы (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). Дальнейшая эскалация насилия, террор с обеих сторон, локальные военные действия, формирование белых и красных вооруженных сил (март — июнь 1918 г.). Время ожесточенных сражений между массовыми регулярными войсками... милитаризация экономики — время войны в полном смысле этого слова (лето 1918 г. — конец 1920 г.). Постепенное, после завершения крупномасштабных военных операций, затухание Гражданской войны, ее локализация и полное окончание (1921 — 1922 гг.)"⁵⁹.

Из всех участников упомянутого выше круглого стола только В.П.Наумов и В.И.Ветров высказались в пользу традиционной периодизации. В.И.Петров предложил начинать освещение событий Гражданской войны с похода Керенского — Краснова на Петроград⁶⁰. Казалось бы, разница в считанные дни, а то и часы, разделяющая захват власти большевиками и выступление А.Ф.Керенского, не играет существенной роли. Но тут встает вопрос об ответственности за первый шаг, ставший толчком к дальнейшей эскалации насилия. В одном случае ее несут большевики, в другом — их противники.

Это и объясняет столь бурное обсуждение проблемы, носящей, на первый взгляд, вроде бы схоластический характер. Из споров о временных рамках Гражданской войны встает все тот же вопрос "кто виноват?" Конечно, избежать его трудно. События, о которых идет речь, столь разительно перекликались с российской действительностью начала 1990-х, что это невольно порождало у любого исследователя "иллюзию присутствия". Человека же, на себе ощутившего последствия социальных катаклизмов, бесполезно утешать тем, что все происшедшее с ним обусловлено объективными предпосылками и историческими закономерностями. В итоге российская историография Гражданской войны все отчетливее стала развиваться под знаком поисков правых и виновных. Отсюда следовал неизбежный логический вывод: если были конкретные виновники, если все было отнюдь не столь жестко запрограммировано, как это представлялось ранее, значит, при ином стечении неконтролируемых случайностей история могла бы пойти совсем другим путем. Это объясняет короткое, но бурное увлечение "историческими альтернативами", которое пережила отечественная наука. И хотя ученые понимали, что историческая наука не терпит сослагательного наклонения, но все-таки стали выяснять, а что было, если бы..?". Так, А.Игнатьев и Г.З.Иоффе посчитали, что Гражданская война могла бы закончиться зимой 1919 г., "если бы расчеты политиков не стали выше интересов истекавшего кровью народа". Речь идет о планах проведения мирной конференции на Принцевых островах. Она, по суждению авторов статьи, не состоялась только потому, что "никто из тогдашних "действующих лиц" не хотел поступиться своими политическими интересами и амбициями"⁶¹. Подобная позиция вызывает возражения: если страна погружалась все больше в пучину братоубийственной Гражданской войны, маловероятно, что все это можно было бы остановить исключительно чьим-то волевым решением.

Относительно множества альтернатив, возникающих, если трактовать Гражданскую

⁵⁹ Поляков Ю.А. Гражданская война: взгляд сквозь годы. — Уфа: 1994. — С. 25.

⁶⁰ Гражданская война в России: "круглый стол". — С. 103.

⁶¹ Игнатьев А., Иоффе Г. Упущенный шанс: Гражданская война могла закончиться зимой 1919 г., если бы расчеты политиков не стали выше интересов истекавшего кровью народа // Московские новости. — №6. 1994. — С. 7. Заметим, что статья опубликована не в научном издании. — Г.И.

войну исключительно как порождение борьбы за власть соперничающих политических сил, то смущает уже само их обилие. Нельзя не согласиться с Ю.А.Поляковым: "Альтернативы существуют всегда. Их множество. Любая революция (коль скоро речь идет о революциях) может остановиться на половине пути, на трети или четырех пятых его (кстати, как определить, где конец пути?), может свернуть влево или вправо. Дело не в количестве вариантов и возможных альтернатив и их теоретическом обосновании, а в их реальности"⁶². Характерно, что уже в середине 1990-х годов увлечение "историческими альтернативами" заметно изменило характер. На смену умозрительным конструкциям приходит изучение действительно существовавших вариантов, заложенных уже в самом многообразии противостоявших друг другу в Гражданской войне сил. Отсюда вытекает растущий интерес исследователей к истории противников большевизма, главным образом Белого движения.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках исследования проблем Белого движения возрос интерес к офицерскому корпусу как основе белых армий. Причем, скорее не к социальному происхождению, а к численности, образовательному уровню, отношению к политике, денежному содержанию и довольствию, разным сторонам быта офицеров⁶³. Например, проблемам белого офицерства Юга России уделено повышенное внимание в брошюре "Белое движение и отечественный офицерский корпус в годы гражданской войны в России (1917 – 1922 гг.)". Авторы предпринимают попытку показать сущность Белого движения, причины его возникновения и социальную базу, политическую программу и идеологию, а также причины поражения, рассмотрев при этом характеристики белого офицерства⁶⁴. Однако данное издание было подвергнуто справедливой критике в

докторской диссертации А.И.Ушакова за то, что авторы рассмотрели проблему в излишне глобальном масштабе. В итоге, "на двух печатных листах текста даже маститым историкам не всегда удастся всесторонне осветить такие широкие проблемы"⁶⁵. Не ушло от внимания исследователя и такое обстоятельство: в виде приложений авторы брошюры публикуют биографические очерки "идеологов, организаторов и руководителей белого движения". "Несомненно, это очень важно и интересно, — пишет А.И.Ушаков, — но удивительным остается, почему же очерки, посвященные военным руководителям российской контрреволюции частично (биографии А.М.Каледина, Л.Г.Корнилова, А.В.Колчака, А.Я.Слащева и др.) или же полностью (биографии П.Н.Врангеля, Н.Н.Юденича) переписаны с комментариев ко второму изданию двухтомника Н.Е.Какурин "Как сражалась революция", вышедшему в 1990 году без указания автора этих комментариев?"⁶⁶.

Неординарным явлением стала книга В.В.Рыбникова и В.П.Слободина "Белое движение в годы гражданской войны: сущность, эволюция и некоторые итоги". Это первое в постсоветской историографии научное исследование, выполненное с новых методологических подходов. Авторы опирались на обширную источниковую базу, ядро которой составляют архивные документы⁶⁷. Они доказали, что вооруженные силы белых политических режимов подразделялись на добровольческие и регулярные. Данное обстоятельство учитывалось в воспитательной работе с личным составом⁶⁸. Оригинально обобщение авторов о том, что добровольческие отряды "создавались в начальный период борьбы и впоследствии стали элитными войсками, особенно в составе Вооруженных Сил Юга России"⁶⁹. Именно элитные части разложились у белых позже других.

Следует подчеркнуть, что в поле зрения авторов попала проблема исследования исторических персоналий Белого движения⁷⁰. Так, в

⁶²Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация. — С.36.

⁶³См.: Воинов В.М. Офицерский корпус белых армий на Востоке страны (1918 – 1920 гг.) // Отечественная история. — №4. 1994; Симонов Д.Г. Из истории вооруженных сил временного сибирского правительства (1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. — Кемерово: 1995 др.

⁶⁴См.: Самусь В.Н., Устинкин С.В., Мацур П.С. Белое движение и отечественный офицерский корпус в годы гражданской войны в России (1917 – 1922 гг.). — Нижний Новгород: 1995.

⁶⁵См.: Ушаков А.И. Указ. соч. (докт. дис.). — С.283.

⁶⁶Там же.

⁶⁷См.: Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. — М.: 1993.

⁶⁸См.: Там же. — С.63 – 64.

⁶⁹См.: Там же. — С.63.

⁷⁰См.: Апрельков А.В., Попов Л.А. Казачий генерал Зуев: из истории ледового похода Сибирской белой армии // Вест-

военно-историческом очерке Ю.Гордеева больше освещается военная деятельность А.И.Деникина в годы революции и Гражданской войны. Но историк допускает и ошибки: ОСВАГ отождествлен с Особым совещанием (хотя первый был лишь структурным подразделением второго, с большой долей самостоятельности); не освещена расправа генерала с кубанскими "самостийниками" в 1919 г.⁷¹ Небезынтересен и исторический портрет генерала в книге Д.А.Волкогонова о Л.Д.Троцком. Автор размышляет о судьбе А.И.Деникина от рождения до смерти, с акцентированием главного внимания на освещении его роли в Гражданской войне⁷². Опираясь на архивные документы, историк кратко осветил идейную позицию генерала, показав, что тот фактически был одинок. Но ученый высказал безапелляционно суждения, являющиеся, однако, дискуссионными: добровольчество с самого начала представляло характер яростного протеста классов, которым "не оказалось места под солнцем"; вопреки своим личным желаниям "Деникин признал главенство Колчака"⁷³. Выполнил исторический портрет генерала А.И.Деникина и А.И.Козлов⁷⁴. Автор сделал больший акцент не на архивные, а опубликованные документы и материалы, мемуарные источники, но переосмыслил их с новых подходов, допустив, однако, и фактические неточности⁷⁵.

Необходимо особенно подчеркнуть то, что в хронологических рамках, указанных выше, в работах по истории Белого движения, судя по анализу историографических источников, наблюдается неразработанность методологических вопросов, путаница на уровне терминов и дефиниций. Восполнить этот пробел стремятся немногие, ведь концептуальные построения более уязвимы для критики, чем любые исследования по конкретным вопросам. В отечест-

венной исторической науке первых постперестроечных лет наблюдалась своего рода фобия в отношении любых методологических конструкций. Обязательный раздел автореферата любой диссертации, содержащий сведения о методологических основах исследования, как правило, сводился к стандартному набору ничего не значащих фраз о "принципах историзма", "научной объективности" и т.д. Видимо, это может стать наглядной иллюстрацией нашего тезиса, изложенного выше, о том, что ученые находились в состоянии методологической растерянности.

Еще одна из животрепещущих тем — красный и белый террор в годы Гражданской войны⁷⁶. Среди историков утверждалось мнение о равной вине обеих сторон, и красных и белых, в развязывании массового террора. В этом суть наиболее крупного исследования по проблеме — монография А.Л.Литвина⁷⁷. Но при общем подходе к анализу красного и белого террора понимание его разнится. Для одних это повод задуматься над причинами, вызвавшими многолетнюю кровавую вакханалию: "Разумеется, нет смысла ни оправдывать зверства, ни впадать в дешевое морализаторство, ни заниматься поиском того, кто начал террор первым. Важнее понять нравственно-психологическое состояние общества после многих лет войны". Для других принцип равной вины не мешает искать, кто же виновен более. В данной связи регулярно вспоминается "приказ Корнилова", обязывавший не брать пленных.

Рассматривая различные аспекты истории Белого движения, практически каждый автор прямо или косвенно не мог не затронуть одну из традиционных, и в то же время, болезненных тем — причины поражения белых. Так, Ю.И.Игрицкий считает, что в принципе в последние годы вообще преодолены расхождения в оценке причин поражения белых. Разногласий нет не только среди российских историков,

ник Челябинского университета. — № 1(7). 1994; *Паламарчук П.* Крестный путь русской армии генерала Врангеля // *Кубань*. — № 10 — 12. 1992. — С.49 — 54 и др.

⁷¹См.: *Гордеев Ю.* Генерал Деникин. Военно-исторический очерк. — М.: 1993.

⁷²См.: *Волкогонов Д.* Троцкий (политический портрет): В двух книгах. Кн.1. — М.: 1992. — С.240.

⁷³См.: Там же. — С. 242, 243.

⁷⁴См.: *Козлов А.И.* Генерал Деникин // *Вопросы истории*. — №10. 1995.

⁷⁵А.И.Деникин был в Первом Кубанском ("Ледяном") походе помощником командующего Добровольческой армией, а не заместителем, как утверждает историк. — *Г.И.*

⁷⁶См., напр.: *Голуб П.А.* С кого они портреты пишут? // *ВИЖ*. — №11. 1992.; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1917 — 1922 // *Отечественная история*. — №6. 1993.; *Дементьев Б.П.* Красный и белый террор в годы гражданской войны (1918 — 1920 гг.) // *Ратковский И.С.* Индивидуальный террор в России в годы гражданской войны: (По материалам периодической печати) // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение*. — С. -Пб.: 1995. Вып. 1. — С. 95 — 100; и др.

⁷⁷См.: *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. — Казань: 1995.

но и между ними и их зарубежными коллегами. Причем, основные моменты в раскрытии вопроса поражения сводятся к единству и организованности Белого движения, отсутствию у них системы вертикального и горизонтального управления, а также к геополитическому фактору — распространению власти Советов на огромном пространстве бывшей Российской империи⁷⁸. Характерно, что одновременно автор в духе времени попытался, с одной стороны, найти рецепт спасения для белогвардейских лидеров, связанный с сосредоточением их сил в одном регионе, в превращении его в альтернативный центр, в прекращении следования имперским категориям неделимой России с обязательными Москвой и Петроградом как центров, а с другой стороны, порассуждать о том, каким было бы будущее России, если бы в Гражданской войне победу одержали белые. Необходимо отметить, что практически никто из исследователей не пытался так ставить вопрос, не пытался посмотреть на альтернативное развитие событий в случае иного исхода войны. Поэтому версия Ю.И.Игрицкого — своего рода приглашение к возможной дискуссии в иной плоскости. Это проблема закономерности развития России в XX веке вообще. Речь идет о том, грозило бы стране в случае победы белых установление тоталитарного режима только иного, "правого" толка? Ответ дается следующий: "Императив воссоединения "единой и неделимой", политически стабильной державы, застрахованной от новых "семнадцатых годов", неумолимо толкал бы белое правительство к жестким методам контроля над обществом; кроме того, наверняка по России прокатилась бы волна возмездных репрессий, чреватая обnoxious насильем сверху и снизу"⁷⁹.

В анализе причин поражения нельзя не учитывать данных, который ввел в исследовательский оборот и которые активно используются российскими исследователями, демограф и публицист М.Бернштам. Они весьма интересны сами по себе, без той крайне идеологизированной интерпретации, которой сопровождаются. Во всяком случае, автор убедительно доказывает, что Белое движение в Гражданской войне было чрезвычайно малочисленно. К се-

редине февраля 1919 года, то есть ко времени максимального развития Белого движения, оно располагало следующими силами: Южный фронт — 85.000, Восточный фронт — 140.000, Западный фронт — 104.000, Северный фронт — 12.500, Северный Кавказ — 7.500, тылы белых фронтов — 188.000. Всё вместе это составляло 537.000 человек. В свою очередь, Красная армия на 28 августа насчитывала в своих рядах 3.538.000, а к 1 января 1921 года — 4.110.000 человек. Таким образом, разница Красной и белых армий составляла 3.001.000 человек⁸⁰.

Не лишена оригинальности и кандидатская диссертация В.П.Слободина. Автор, исследуя Белое движение, умело оперирует неизвестными или малоизвестными архивными документами и материалами, старается персонифицировать исторический фон. Она снабжена оригинальным приложением — биографической справкой о генерале А.И.Деникине, составленной объективно⁸¹.

Таким образом, анализ истории изучения проблемы истории Гражданской войны в России в начале постсоветского периода позволил выявить некоторые основные тенденции ее развития:

1. Прямое влияние на содержание опубликованных работ и защищенных диссертаций следующих факторов: выдвижение проблемы Белого движения в разряд приоритетных; некоторая методологическая растерянность авторов, детерминированная разрывом с советским историографическим прошлым; вытеснение методологии марксизма-ленинизма в большевистском ее измерении; сумбурное внедрение зарубежных историографических парадигм, без должной их критической оценки; процесс становления новых подходов в постсоветской исторической науке, набравшей темпы; качественно новое состояние источниковой базы, порожденное рассекречиванием огромного пласта архивных документов; акцентирование внимания на издательском деле, на публикации белых мемуаров, выходе в свет некоторых уникальных научно-справочных изданий.

2. Жесткая полемичность работ, увидевших свет в 1992 – 1993 гг., привязанная к серьезным экономическим, социально-политическим и духовным переменам, происходившим в рамках молодой российской государственности. Острие полемики, которая не всегда велась в достаточно корректной форме, было направле-

⁷⁸ *Игрицкий Ю.И.* Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: 1994. – С.68.

⁷⁹ Там же. – С. 67.

но на следующие аспекты рассматриваемой проблемы: причины Гражданской войны, виновники ее развязывания, периодизация, альтернативы; оценки социально-политической сущности Белого движения; идеологические основания и политические программы Белого движения.

3. Отсутствие достаточной концептуальной стройности при освещении общих проблем Белого движения.

4. Появление стремления к исследованию исторических персоналий вождей Белого движения.

⁸⁰*Бернштам М.* Стороны в гражданской войне. 1917 – 1922 гг. (Проблемы, методология, статистика). – М.: 1992. – С.44.

⁸¹См.: *Слободин В.П.* Белое движение в гражданской войне в России: эволюция, уроки, итоги: дис... канд. ист. наук. – М.: 1994.

THE RUSSIAN CIVIL WAR IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 1980S - FIRST HALF OF THE 1990S (SOME ASPECTS OF THE PROBLEM)

© 2008 G.M.Ippolitov

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

In the paper some aspects of the Russian Civil War historiography in the period of the civilizational paradigm change in Russia (second-half of the 1980s – first half of the 1990s) are analyzed.